

Радость творчества

этом спектакле в качестве художника, какие-то особенно свежие, яркие. Они спорят с пышностью весенних красок за оном.

Герой пьесы Шура Тычинкин (арт. Г. Лукьянова) — подлинный герой спектакля. Легко, точно скользит он по сцене в задорном мексиканском танце. Из-под широкополого сомбреро блестят веселые мальчишеские глаза. Вот он с увлечением рассказывает о бое быков, вот ловко фехтует шпагой, вот задел, играя на гитаре. И над подмосковными нежными березками понеслась чуть глуховатая, переличатая песня. И уже не только пионер Вася, но и весь зрительный зал видит Мексику — далекую, знойную страну с синими дымящимися вулканами, алыми плащами теоредоров, палящим солнцем, страчу, где живет гордый народ.

Как сыграть одновременно роль обыкновенного советского мальчика и юношу-мексиканца, как сделать оба этих образа яркими, не похожими один на другой? Новая роль показалась актрисе сначала очень трудной, хотя больше чем за десять лет работы в театре Г. Лукьянова сыграла уже множество разнообразных ролей. Но актрисе большей частью приходилось играть современников, мальчиков, девочек, желания которых, психология, строй мыслей были близки и понятны. Актриса всегда вдумчиво и серьезно работала над каждой ролью, стремилась понять, осознать внутренний мир своих героев. На этот раз путь к образу оказался иным.

Но вернемся к спектаклю «Сомбреро». Пьеса Михалкова поставлена главным режиссером театра Н. Н. Аноевой с четкой мыслью, с хорошим чувством стиля. История о заварном маскараде, который устроил Шура Тычинкин, переодетый в костюм мексиканца, рассказана актерами задорно, с комедийной легкостью. И декорации Б. Белова, удачно дебютировавшего в

Первый раз ощутила Г. Лукьянова новую роль, когда балетмейстер Э. И. Мэй показал движения, танец, походку. Все это сразу захватило своим острым покоряющим ритмом. А когда из костюмерной принесли новый, хорошо сшитый костюм мексиканца, показалось, что роль готова.

— Не торопитесь, — говорила Наталья Николаевна Аноева, проявившая себя в спектакле не только как постановщик, но и как опытный режиссер-педагог. — Ритм — это лишь прием театральной выразительности, главное — существо характера, вот что надо искать! — Да! — думала актриса. — Надо понять психологию персонажа. Тогда он станет живым, интересным!

Вспомнились любимые герои, которых довелось сыграть: Аня Березко из пьесы Пистоленко, Люба из «Поддубенских частушек» Антонова, Оля из «Гимназистов» Тренева, беспризорник Андришка из «Девочек» Пановой. Все эти образы были близки сердцу, понятны, любимы. Она стремилась раскрыть в них сложный, иногда противоречивый, своеобразный внутренний мир человека. Актриса, играющая, в основном, характерные роли, никогда не пряталась за внешнюю форму образа, не прикрывала его отсутствием живого человеческого дыхания. Героини и герои ее (а мальчики приходилось играть очень часто!) всегда активны, действительны, эмоционально насыщены, сильны духом!

И в очень юной, хрупкой Оле из спектакля «Гимназисты» с девически тонкой щей и легкой, быстрой поход-

кой по мере развития спектакля настойчиво росла эта удивительная внутренняя стойкость, протестующая сила.

И в затравленной, мучающейся в тупике девушке, идущей на самоубийство, не угасал этот огонек твердости, протеста против насилия и джи.

Совсем иных красок, ритмов потребовала от актрисы роль озорной, яркой Любы. И здесь увлекательная внешняя форма не заслонила внутренний мир девушки. Своеобразие этого характера было понятно и близко. И на этот раз актриса нашла что-то свое, неповторимое. В походке, жестах, глазах Любы искал проявления огромный, полный солнца, любви мир, который, казалось, каждую минуту готов расплескаться и затопить всех своим радостным ликованием.

Роль ожесточившегося беспризорного мальчика Андрея, родителя которого погибли во время войны, сразу привлекла Лукьянову. Но как сделать эту роль такой, чтобы зритель понял, полюбил мальчика? Спектакль актриса начала нотой безнадежной ожесточенности, трагичностью. Но постепенно, от сцены к сцене, под действием живого человеческого тепла оттаивало сердце подростка, расправлялись согнутые плечи, в глазах появлялся веселый озорной огонек.

Актриса упорно и настойчиво стремится проникнуть и проникает во внутренний мир своих героев. От этого образ приобретает звучность, силу и она не повторяется в своих новых работах.

Так было и в процессе создания роли Шуры Тычинкина. В период подготовки спек-

такля «Сомбреро» Лукьяновой приходилось бывать в Москве. И вот однажды, проходя по набережной Москва-реки, она неожиданно вспомнила фестивальную Москву и такой же летний теплый вечер. Здесь, на парапете набережной сидел высокий, смуглый юноша, поджав под себя ноги, и пел, играя на гитаре. На груди у него сияла яркая фестивальная ромашка, из-под широкополого сомбреро весело смотрели черные блестящие глаза. Москвичи не понимали слов незнакомой песни, но лихо подпевали мексиканцу, и дружная песня летела над спокойной тихой рекой. Этот маленький вспомнившийся эпизод был тем недостающим живым ощущением, которого так не хватало для завершения роли.

Лукьянова понимает, что хотя роль получилась, еще многое надо сделать. «Хочется, чтобы и мой второй, настоящий Шура, без маскарадного костюма, получился бы такой же яркий, увлекательный по характеру. Этого надо добиваться! Надо работать!».

Гаснут огни на здании театра. Кончилась последняя премьера сезона. Впереди гастроль. Расходясь домой, актеры думают о минувшем годе, говорят о будущем. У каждого свои планы, свои мечты. Есть свои мечты и у актрисы Г. Лукьяновой. Она мечтает сыграть современную девушку, строительницу новой жизни, хочется попробовать себя в пьесах Горького. Многие хочется сыграть, и потому сейчас, возвращаясь после премьеры, она думает не о радости, которую дает удачно сыгранная роль, она думает о работе, трудной, упорной, о самой большой актерской радости — о творчестве!

Т. ИВАНОВА.

0561 УОМ Я